

На правах рукописи

ПОКОЯКОВА Карина Александровна

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ И ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТЫ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ
МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
НОСИТЕЛЕЙ ХАКАССКОГО, РУССКОГО
И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Красноярск – 2017

Работа выполнена на кафедре английской филологии и теории языка Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Боргоякова Тамара Герасимовна.

Официальные оппоненты: **Уфимцева Наталья Владимировна,**
доктор филологических наук, профессор,
ФГБУН «Институт языкознания РАН»,
главный научный сотрудник, заведующая
сектором этнопсихолингвистики.

Филиппова Саргылана Васильевна,
кандидат филологических наук,
ФГАОУ ВО «Северо-Восточный
федеральный университет
им. М.К. Аммосова», кафедра английской
филологии, доцент.

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Защита диссертации состоится «28» июня 2017 года в 15⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 999.016.04 на базе ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», ФГБУН «Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук», ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» по адресу: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, корп. 9, ауд. 4-02.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» и на сайте организации <http://www.sfu-kras.ru>.

Автореферат разослан « » 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Копнина Галина
Анатольевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено изучению национальных особенностей концептуализации мира в языковом сознании носителей хакасского, русского и английского языков на примере лексикографической и психолингвистической репрезентации универсальной бинарной оппозиции *мужчина/женщина*.

Актуальность темы определяется важностью кросскультурных исследований по выявлению этнокультурной специфики языкового сознания, влияющей на эффективность межкультурной коммуникации. Выявление социо- и этнокультурных особенностей развития системы гендерных отношений и их психолингвистическая репрезентация может способствовать минимизации субъективной редукции словарных дефиниций.

Обращение к комплексному изучению бинарной оппозиции *мужчина/женщина* в трёх лингвокультурах связано с её универсальностью и значимостью для культуры каждого народа в контексте человеческой эволюции в целом. Образы мужчины и женщины рассматриваются в единстве социально-культурных и психолингвистических характеристик, отражающих содержание и структуру вербальной и ассоциативной репрезентации гендера.

Объектом исследования выступает лексикографическая и психолингвистическая репрезентация бинарной оппозиции *мужчина/женщина* как фрагмент языкового сознания носителей хакасского, русского и английского языков, а его **предметом** – этнокультурные и гендерные характеристики, определяющие структуру и содержание образов мужчины и женщины в сравниваемых лингвокультурах.

Целью диссертационной работы является выявление универсалий, этнокультурных и гендерных особенностей психолингвистического содержания бинарной оппозиции *мужчина/женщина* в динамике его развития в трёх языках.

Достижение поставленной цели исследования предполагает решение следующих **задач**:

1) проанализировать основные теоретико-методологические концепции и подходы к пониманию проблемы языкового сознания в современных психолингвистических и гендерных исследованиях, определить систему методов исследования бинарной оппозиции *мужчина/женщина*;

2) раскрыть понятийное содержание исследуемой оппозиции путём выявления и описания лексического и этимологического значения слов *мужчина* и *женщина* в трёх языках;

3) провести свободный ассоциативный эксперимент в трёх группах респондентов-носителей соответствующих языков, осуществить статистическую обработку полученных данных;

4) выявить и описать трансформации в ассоциативных полях, сформированных в трёх языках в разные временные периоды;

5) провести сопоставительный анализ лексикографической и психолингвистической репрезентации антонимических пар *up/inchi*, *мужчина/женщина* и *man/woman* в исследуемых языках и языковом сознании их носителей;

б) выявить особенности базовых стратегий ассоциирования компонентов бинарной оппозиции *мужчина/женщина* в языковом сознании хакасских, русских и американских респондентов;

7) определить общие и отличительные особенности репрезентации гендерных стереотипов и гендерной идентичности в языковом сознании представителей хакасской, русской и американской лингвокультур.

Теоретической и методологической основой диссертации послужили труды отечественных и зарубежных учёных в области психолингвистики (А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев, А. А. Залевская, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, И. А. Стернин, И. В. Привалова, Р. М. Фрумкина, А. Г. Фомин, А. П. Боргоякова, П. Б. Дашинимаева, А. Д. Палкин, Т. Г. Боргоякова, И. Н. Кавинкина и др.), гендерной проблематики (А. В. Кирилина, Е. И. Горошко, О. А. Воронина, И. С. Клёцина, J. E. Williams, D. L. Best и др.), общих и частных проблем антонимии (В. Н. Комиссаров, В. А. Иванова, Е. Н. Миллер, Ю. Д. Апресян, Л. А. Введенская, Л. А. Новиков, В. Н. Шапошников, М. В. Никитин, Дж. Лайонз, A. Mettinger, A. J. Lehrer, A. D. Cruse, S. Jones, L. M. Murphy и др.), взаимодействия языка и культуры (В. А. Маслова, Ю. С. Степанов, В. В. Красных, A. Wierzbicka и др.).

Для решения поставленных задач в диссертационной работе использовался комплекс **методов**. Общенаучные методы синтеза и анализа применялись при изучении понятий «языковое сознание», «гендер», «антонимия» и национальных особенностей культуры. Метод лексикографического описания использовался при исследовании словарных дефиниций. Методом свободного ассоциативного эксперимента осуществлялся сбор психолингвистического материала с последующей обработкой полученных данных путём количественного анализа. Сопоставительным методом были выявлены общие черты и различия в ассоциациях хакасских, русских и американских респондентов. Для структурирования ассоциативных полей каждого стимульного слова использовался метод «семантического

гештальта» Ю. Н. Караулова. Для выявления психолингвистических значений анализируемых слов применялись методы семантической интерпретации и моделирования семантемы слова (З. Д. Попова, И. А. Стернин, А. В. Рудакова). Для исследования гендерных особенностей языкового сознания респондентов использовалась модифицированная диагностическая методика измерения уровня выраженности гендерной идентичности С. Бем.

Материалом исследования послужили лексикографические источники (32 словаря различного типа), русские ассоциативные словари (РАС 2002¹; ЕВРАС 2014²; СИБАС 2008–2016³), хакасский и английский ассоциативные словари (ХАС 2002⁴; АТЕ 1972⁵) и данные свободного ассоциативного эксперимента, проведённого методом письменного опроса в 2009–2013 годах (1030 анкет). Эксперимент был проведён в Хакасском государственном университете имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан, Республика Хакасия, РФ) и в Western Washington University (Bellingham, Washington State, USA) с участием трёх групп респондентов, для которых хакасский, русский и английский языки являются родными.

Валидность сделанных выводов обеспечивается объёмом использованного теоретического материала по разрабатываемой проблематике, включающим научные труды российских и зарубежных учёных; привлечением данных из других научных дисциплин (философии, гендерной психологии, социологии и др.); достаточным количеством респондентов обоего пола в возрасте от 16 до 35 лет: 1030 человек, из которых 330 (165 женщин и 165 мужчин) хакасов-билингвов, свободно владеющих родным языком, 350 (180 женщин и 170 мужчин) носителей русского языка, 350 (181 женщина и 169 мужчин) представителей американской культуры; большим объёмом экспериментального материала (2036 реакций, полученных при проведении свободного ассоциативного эксперимента, и 2230 реакций по данным ассоциативных словарей и тезаурусов).

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые:

¹ Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 784 с.

² Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус. Том 1. От стимула к реакции // Авторы-составители: Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева. 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf (дата обращения: 06.06.2015).

³ Русская региональная ассоциативная база данных (2008-2016) / Авторы-составители И. В. Шапошникова, А. А. Романенко языка [Электронный ресурс]. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения: 15.04.2016).

⁴ Хакасский ассоциативный словарь (рукопись) / А.П. Боргоякова. 2002. 235 с.

⁵ The Associative Thesaurus of English / G.R. Kiss, C. Armstrong, J. Piper. Edinburgh: University Press, 1972 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eat.rl.ac.uk/> (дата обращения: 22.07.2012).

– установлены особенности репрезентации базовой бинарной оппозиции *мужчина/женщина* в языковом сознании носителей хакасского, русского и английского языков, предопределённые этнокультурными особенностями и уровнем константности гендерных стереотипов;

– выявлена и введена в научный оборот система психолингвистических данных для уточнения и разработки соответствующих словарных дефиниций в лексикографических источниках трёх языков;

– определены механизмы воздействия гендерных стереотипов, включая авто- и гетеростереотипы, и их трансформаций на ассоциативное поведение представителей трёх лингвокультур.

Теоретическая значимость диссертационной работы определяется вкладом в разработку проблем языкового сознания в этнокультурном и гендерном аспектах. Полученные результаты способствуют созданию теоретической основы для контрастивного анализа универсальных оппозитивных концептов в дальнейших кросскультурных психолингвистических и гендерных исследованиях с привлечением материала трёх языков.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения её результатов в практике вузовского преподавания теоретических дисциплин (психолингвистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, когнитивной лингвистики), спецкурсов по исторической лексикологии, сопоставительной этимологии и др. Материалы исследования могут быть полезны при разработке учебных пособий, справочников и словарей (ассоциативных и толковых).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Константность структуры и содержания ассоциативных полей бинарной оппозиции *мужчина/женщина* в трёх лингвокультурах связана с сохранением лидирующих позиций традиционных гендерных стереотипов «мужской силы», «женской красоты» и «семейных ролей» при оценке их физических, внутренних и социальных характеристик.

2. Преобладание парадигматических моделей ассоциирования составляет более 60% в русских ассоциативных полях и более 50% – в американских и хакасских. Этнокультурная специфика данной стратегии реализуется через:

а) «теплое» содержание хакасских и русских когнитивных моделей, включающих номинации родителей *иче/наба* и *мать/отец*, которые составляют соответственно 44% и 22% реакций в хакасских ассоциативных полях ИР/ИПЧИ и 18% и 10% в русских – МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА;

б) «холодную» нейтральность американской ассоциативной стратегии противопоставления по биологическому полу преимущественно через канонические антонимические реакции *woman* и *man* (17,5%) в ассоциативных полях MAN и WOMAN или через номинации анатомо-физиологических особенностей (9%) и лиц нетрадиционной сексуальной ориентации (*gay/lesbian*);

в) актуальность семейно-родственных связей, детализированных в разрезе возраста, отцовской или материнской линии и вербальных маркеров принадлежности в структуре хакасских ассоциативных полей компонентов бинарной оппозиции ИР/ИПЧИ (53,5%).

3. Актуальность гендерных стереотипов, связанных с традиционным разделением труда и семейных ролей «глава семьи» и «добытчик» о мужчине, «домохозяйка» и «хранительница очага» о женщине (13% и 6% в хакасских и по 8% в русских ассоциативных полях), отражает более патриархальный характер хакасской и русской культуры на фоне более высокой доли андрогинного или симметричного конструирования гендерной идентичности американских респондентов.

4. При общем доминировании позитивных характеристик образов мужчины и женщины в структуре хакасских, русских и американских гендерных авто- и гетеростереотипов, их доля в женских автостереотипах составляет в среднем 22%, превышая мужские показатели на 5%. Традиционные негативные стереотипы восприятия образа женщины в структуре мужских гетеростереотипов превышает женские на 1%, составляя в среднем 4%.

5. Преобладание стереотипного восприятия образов мужчины и женщины в ассоциативных полях русских, хакасских и американских респондентов женского пола составляет 5%, 3,2%, 2% соответственно и может способствовать сохранению степени актуальности гендерных стереотипов.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования представлены в докладах на ежегодных научно-практических конференциях «Катановские чтения» (Абакан, ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2009–2012 гг.), на II и III международных научных конференциях «Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России» (Абакан, ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2008 г., 2010 г.), на XVI международном симпозиуме по психолингвистике и теории коммуникации «Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы» (Москва, ИЯ РАН, РУДН, 2009 г.), на семинарах по курсу «Актуальные проблемы межкультурной коммуникации» (Абакан, ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2009–2012 гг.), на международной научной студенческой

конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, НГУ, 2011 г.), на всероссийской научно-практической конференции молодых исследователей с международным участием «Диалог культур в аспекте языка и текста» (Красноярск, СФУ, 2011–2012 гг.); на научных семинарах аспирантов и магистрантов «Актуальные проблемы психолингвистики»; на научно-методических заседаниях кафедры языкознания, литературоведения и межкультурной коммуникации и кафедры английской филологии и теории языка (Абакан, ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2009–2013 гг.); на научных семинарах-коллоквиумах, заседаниях отделения современных и классических языков Западно-Вашингтонского университета в период стажировки в США по программе Фулбрайт (2012–2013 гг.); на заседаниях научного объединения молодых ученых «Актуальные проблемы гуманитарных исследований» института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии (Абакан, ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2013–2016 гг.); на межрегиональной научно-практической конференции «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири» (Абакан, ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2015 г.); на IV международной научно-практической конференции «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири» (Абакан, ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2016 г.).

По результатам диссертационного исследования опубликовано 16 статей общим объёмом 4 печатных листа, из них 6 статей в рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК МОиН РФ.

Структура и объём диссертационного исследования. Композиция диссертационной работы определяется её целью, задачами, а также материалом исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 236 наименований, списка использованных словарей (39 наименований), списка сокращений и трёх приложений. Общий объём диссертации составляет 211 страниц, из них 167 страниц основного текста. В конце каждой главы приводятся выводы. Работа содержит 30 таблиц, 20 диаграмм и 3 схемы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается общая характеристика диссертационного исследования: обосновывается актуальность и научная новизна выбранной темы, определяются объект и предмет исследования, формулируются его цели и задачи, определяются методологическая и теоретическая база исследования, материал и основные методы анализа, обосновывается теоретическая и

практическая значимость работы, излагаются положения, выносимые на защиту, сообщается об апробации результатов работы и её структуре.

В Главе I «Теоретические основы исследования языкового сознания» содержатся исходные теоретические и методологические предпосылки изучения сознания, языкового сознания и образа мира, составляющие основу психолингвистических исследований. Обосновывается актуальность контрастивных этнопсихолингвистических и гендерных исследований языкового сознания представителей разных культур, определяется понятийно-терминологический аппарат диссертационного исследования.

В первом параграфе рассматривается история исследования сознания, проводится обзор различных подходов к пониманию языкового сознания в современной лингвистике. В трактовке Московской психолингвистической школы под *языковым сознанием* (далее ЯС) принято понимать совокупность образов сознания, овнешняемых языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей⁶. Введение в их состав ассоциативных полей и ассоциативных тезаурусов даёт возможность выявления психолингвистических (психологически реальных) значений слова, позволяющих уловить дополнительные способы видения и отражения мира в разных культурах, не всегда выделяемых в семантике языковых единиц. Поэтому термин ЯС является тождественным понятию «образ мира», представляя «отображение в психике индивида предметного мира, опосредованного предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии»⁷.

Второй параграф посвящён этнокультурной специфике языкового сознания, относящейся к базовому аспекту нашего исследования. Особая взаимосвязь сознания, культуры и языка рассмотрена нами на примере образов ЯС представителей разных лингвокультур. Этнопсихолингвистическое направление психолингвистических исследований служит новой методологической базой, в которой изучение национально-культурной специфики языкового сознания становится центральной проблемой, а различие

⁶ Тарасов Е.Ф. Языковое сознание – перспективы исследования (предисловие) // Языковое сознание: содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тезисы докладов, 1-3 июня 2000 г., Москва / Гл. ред. Е.Ф. Тарасов. М.: Институт языкознания РАН и МГЛУ, 2000. С. 3–4.

⁷ Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2005. С. 268

национальных сознаний коммуникантов признается главной причиной непонимания при межкультурном общении⁸.

Доступ к исследованию особенностей образа мира, присущего представителям разных этносов, становится возможным через объективацию ЯС при помощи психолингвистических экспериментов. Одним из признанных и эффективных их видов является свободный ассоциативный эксперимент (далее САЭ), который позволяет создавать совокупности ассоциативных полей, составляющих своеобразную модель этнокультурной специфики ЯС человека, включая глубинные психические слои индивидуального и коллективного сознания.

В третьем параграфе представлен краткий обзор философских и методологических предпосылок возникновения, становления и развития гендерных отношений и их исследований. Важное место в нём занимают описание и анализ имеющихся точек зрения о сущности понятий «гендер», «гендерный стереотип», «гендерная идентичность» и других связанных с ними категорий. Отдельное внимание уделяется гендерному аспекту современных психолингвистических исследований, в рамках которого выделяются два направления: 1) с учётом дифференциации информантов по полу и смешанных по признаку пола; 2) на материале русского языка и в сравнении с другими языками (немецким, английским, китайским, татарским, казахским, бурятским и т.д.).

Анализ результатов исследования гендерной асимметрии, характеризующей образ мира в разных культурах, позволяет выделить устойчивость патриархальных стереотипов, с одной стороны, и динамику восприятия социокультурных ролей мужчины и женщины, приводящей к изменениям гендерной стереотипизации, с другой. Понятие «андрогинности» в исследованиях по данной проблематике связано с показателем индекса гендерного равенства, представляющим дифференциацию государств по уровню социальной адаптации и социального благополучия.

В Главе II «Оппозитивные отношения и их языковая репрезентация в структуре бинарной оппозиции *мужчина/женщина* в хакасском, русском и английском языках» рассматриваются истоки и особенности исследования противоположности как одного из центральных способов концептуализации мира в философском аспекте и способы её языковой репрезентации через антонимические пары в лексико-семантической системе языка. Раскрываются этимологические аспекты развития семантики исследуемых антонимических

⁸ Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М., Калуга: Институт языкознания РАН (ИП Шилин И.В.), 2011. С. 206.

существительных *мужчина/женщина* в трёх языках, а также особенности их лексикографических значений, представленных в словарях разного типа.

В первом параграфе рассмотрены антонимические отношения, которые служат важным организационным принципом восприятия и когнитивной деятельности, а также эффективным инструментом аргументации, повествования, объяснения и описания⁹. Прочная связанность семантически противоположных слов *up/upçı*, *мужчина/женщина* и *man/woman* в ЯС носителей трёх языков свидетельствует о высокой степени их антонимической каноничности. Когнитивные механизмы их оппозитивного ассоциирования имеют константный характер при разной степени интенсивности использования данной модели.

Второй параграф посвящён развитию семантических компонентов членов оппозиции *мужчина/женщина* с учётом их этимологии в трёх анализируемых лингвокультурах. Этимологический анализ выявляет значение превосходства мужчины во внутренней форме слов *мужчина* и *man*. Андроцентризм языка эксплицитно представлен в этимологии английских и русских дефиниций слова *мужчина*, включающих, в первую очередь, значение «человек». В хакасской лексикографической репрезентации слова *up* эта семантическая параллель обнаруживается на периферии семантической структуры древнетюркских слов *ерен* и *ер* (ə:p) ‘мужчина’¹⁰.

В третьем параграфе предлагается дефиниционный анализ лексикографической репрезентации семантических признаков антонимических пар *up/upçı*, *мужчина/женщина* и *man/woman*.

Основу словарной дефиниции обоих компонентов в трёх анализируемых языках составляет общность значения противопоставленности по признаку биологического пола и значение семейного статуса жены (*upçı – жена – wife*) для компонента *женщина*.

Совпадения лексикографических значений в двух языках – английском и хакасском – связаны со значением мужа (*husband – up*) для компонента *мужчина*. Общее в английских и русских дефинициях содержится в значениях: 1) зрелый возраст мужчины и женщины; 2) противоположность внутренних качеств лиц мужского и женского пола с более высокой степенью их конкретизации в английском языке: **man** – *sense of strength, confidence, vigor, bravery, magnanimity, courage, etc.*; **woman** – *timidity, modesty, mildness,*

⁹ Paradis C., Willners, C. Antonymy. From Convention to Meaning-Making. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=1718212&fileId=1718215> (дата обращения: 25.05.2014).

¹⁰ Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на согласные) / Сост. Э. В. Севортыян. М.: Издательство «Наука», 1974. С. 290–291, 321.

tenderness, womanliness; femininity, womanliness, etc.; 3) социальные роли женщины как прислуги и женщины легкого поведения.

Наиболее детализированный характер гендерная дифференциация носит в английских словарях, в которых представлено шесть дополнительных значений. В их число входят:

1) значения, общие для обоих компонентов антонимической пары:
а) лица, состоящие во внебрачной любовной связи (*male lover/paramour (mistress); a woman that a man is having a sexual relationship with, even though he is married*); б) дифференциация должностей с учётом половой принадлежности (*male/female servant, subordinate, employee or representative, etc.*); в) форма обращения (*Man! Woman!*);

2) значения, специфические для характеристики мужчины: а) наличие интеллектуальных способностей (*one who is master of his mental power, or who conducts himself with his usual judgment*); б) использование слова *woman* для характеристики трусливого мужчины (*one who is effeminate, cowardly, emotional or weak; used of a man*);

3) значения, специфические для характеристики женщины: а) эмоциональность (*feminine emotions*); б) независимость (*make your own decisions and be in charge of your own life without depending on anyone else; be your own woman*)¹¹.

Отличительной особенностью русской словарной дефиниции слова *женщина* является указание на репродуктивную функцию (*та, которая рождает детей и кормит их грудью*).

Различия в лексикографической репрезентации антонимической пары *мужчина/женщина* в трёх языках отражает не только социокультурную составляющую истории развития гендерных отношений, но и качество лексикографического фонда и авторскую субъективность словарных дефиниций, которые не всегда соответствуют реальному употреблению слов¹².

Четвёртый параграф посвящён рассмотрению принятого в отечественной психолингвистике разграничения психолингвистического (психологически реального) значения слова и его словарной дефиниции – лексикографического значения слова. Отмечается редуцированный характер лексикографического значения: значение, фиксируемое в словарях и именуемое в лингвистике системным, создается лексикографами в соответствии с принципом редукционизма, то есть «минимизации признаков, включаемых в значение»¹³.

¹¹ Longman Exams Dictionary. England: Pearson Longman, 2006. P. 1768.

¹² Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Учпедгиз, 2009. С. 77–78.

¹³ Стернин И.А. К разработке психолингвистического толкового словаря // Вопросы психолингвистики. 2010. №2(12). С. 57.

Современные исследования, направленные на формирование и анализ ассоциативных полей, оказались результативными в плане не только выявления психологически реальных значений слов, более объёмных и богатых по своему содержанию и структуре, но и в плане создания целой серии ассоциативных словарей разных языков. Ассоциативные тезаурусы составляют валидную основу для дальнейших исследований природы слова и его семантики, а также национальной специфики разных лингвокультур.

В Главе III «Психолингвистическая репрезентация бинарной оппозиции *мужчина/женщина* в языковом сознании носителей хакасского, русского и английского языков» выявляются универсалии, этнокультурная и гендерная специфика анализируемой оппозиции, исследуются когнитивные модели ассоциирования антонимических существительных *мужчина/женщина*, формулируются их психолингвистические значения.

В первом параграфе приводится описание проведённого эксперимента и методов исследования, позволяющих структурировать и интерпретировать эмпирический материал. Динамика репрезентации образов мужчины и женщины в ЯС носителей трёх языков была исследована на примере ассоциативных полей (далее АП), сформированных в разные периоды: АП-1, представленных в соответствующих ассоциативных словарях (2002) и тезаурусе (1972), и АП-2, полученных по данным САЭ (2009-2013). По итогам уточнения смысловой и лексико-грамматической дифференциации АП с применением гештальтного подхода были выявлены пять общих семантических зон (далее СЗ), представляющих комплексные функциональные структуры.

Второй параграф посвящён сопоставительному анализу АП антонимической пары *мужчина/женщина* в языковом сознании носителей хакасского, русского и английского языков с точки зрения их динамики и этнокультурной специфики. Наличие произошедших изменений подтверждается показателями степени наложения реакций. Наибольший показатель произошедших изменений зафиксирован в русских АП МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА (0,29 и 0,26 соответственно), меньший уровень изменений характерен для американских АП MAN/WOMAN (0,18 и 0,20) и хакасских АП ИР/ИПЧИ (0,17 и 0,20).

К основным изменениям относятся:

1) почти троекратное увеличение доли реакций в СЗ «реалии» в русских АП МУЖЧИНА (30% и 10,5% в АП-2 и АП-1 соответственно) и ЖЕНЩИНА (31% и 9% в АП-2 и АП-1);

2) значительное сокращение ассоциаций в СЗ «персоналии» в американских АП MAN (39% и 78% в АП-2 и АП-1) и WOMAN (39% и 74% в АП-2 и АП-1);

3) усиление позиции СЗ «персоналии» в структуре хакасских АП ИР (51% и 49% в АП-2 и АП-1) и ИПЧІ (44% и 39% в АП-2 и АП-1).

Общность стратегий ассоциирования у хакасских, русских и американских респондентов на стимулы МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА заключается в более высокой доле парадигматических реакций (60% и 62% соответственно – в русских АП, 58% и 61% – в американских и 55% и 52% – в хакасских). Доминирующая парадигматическая когнитивная модель ассоциирования представлена номинациями родителей в хакасских и русских АП: ИР ← *паба* ‘отец’, ИПЧІ ← *і че* ‘мать’; МУЖЧИНА ← *отец*, ЖЕНЩИНА ← *мать*, а также антонимическими реакциями в американских АП: MAN ← *woman* ‘женщина’, WOMAN ← *man* ‘мужчина’.

В структуре синтагматических реакций исследуемых АП превалируют имена прилагательные с высоким рейтингом позитивной оценки физической и моральной силы мужчины (*сильный*) и внешней привлекательности женщины (*красивая*). В русских АП характеристики *мужской силы* и *женской красоты* получают более яркую выраженность, составляя в среднем 29% от общего числа реакций в АП МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА.

Этнокультурная специфика представлена в ассоциативных связях, образующих как ядерные, так и периферийные зоны ассоциативных полей оппозиции *мужчина/женщина*.

В хакасском ЯС сохраняются архетипы традиционной ментальности и культуры, представленные в АП ИР/ИПЧІ через:

– термины родства, детализированные в разрезе возраста, отцовской или материнской линии, а также маркеров принадлежности, что свидетельствует об этнокультурных константах традиционного мировоззрения хакасов, в котором наивысшей ценностью является не индивидуальная жизнь, а целостность семьи и рода: *паба* ‘отец’ / *і че* ‘мать’, *ага* ‘дедушка’ / *ууча* ‘бабушка’, *харындас* ‘брат’ / *ти че* ‘сестра’, *абаа* ‘старший брат, дядя’, *туңма* ‘младший брат’ и т.д.;

– элементы традиционной одежды и женской прически: *чібек хур* ‘шелковый пояс в мужской одежде’, *сигедек* ‘женский жилет с вышитым орнаментом’, *пого* ‘пого (нагрудное женское украшение)’, *сүрмес* ‘сюрмес (множество косичек по плечам у девушек)’ и др.;

– образ *Алына*, главного героя героических эпосов (*алыптыҕ нымахтар*), использующегося и для позитивной характеристики мужчины с точки зрения силы и интеллекта.

В русском ЯС выявлено доминирование реакций позитивных оценок (54% в АП МУЖЧИНА и 57% в АП ЖЕНЩИНА), что существенно (в среднем на 20-30%) превышает аналогичные показатели в хакасских АП ИР/ИПЧИ и американских АП MAN/WOMAN.

К особенностям американского ЯС относятся:

– номинации анатомо-физиологических особенностей мужчины и женщины: MAN ← *penis, male genitalia, peccs, etc.*; WOMAN ← *vagina, uterus, breasts, nipples, etc.*;

– прецедентные имена: MAN ← *James Bond, Heath Ledger, etc.*; WOMAN ← *Beyonce, Virginia Woolf, etc.*;

– индикация «вредных» мужских привычек: *smoking, drunk, etc.*;

– указание на нетрадиционную сексуальную ориентацию или гомосексуальность: MAN ← *gay*; WOMAN ← *lesbian*;

– стереотипные «мужские» образы: *cowboy, lumberjack, firefighter*.

Вариативность и этнокультурная специфика наполнения АП бинарной оппозиции *мужчина/женщина* в трёх лингвокультурах ярко представлена через «сетку» метафорических номинаций, в основе которых лежат культурно обусловленные зоонимы, фитонимы, астронимы и др.

Например, хакасская этнокультурная специфика связана с традиционными архетипами женской красоты, ассоциированными с небесными светилами (*күн* ‘солнце’, *ай* ‘луна’) и цветами (*чахайах*), а также традиционно важной ролью коня (*ат*) для мужчины.

Особенности русской ассоциативной стратегии представлены характеристикой внешних и внутренних черт женщины через использование зоонимов (*лебедь, лиса, кошка*) и фитонимов (*берёза, роза*), а мужчины – через номинации природных объектов (*гора, камень*) и явлений (*туман*).

Специфика американской метафоризации отражает происходящие трансформации в традиционной системе сексуальных отношений через образные номинации геев (*bear* ‘медведь’, *dolphin* ‘дельфин’), лесбиянок (*dove* ‘голубь’) и зрелых женщин, предпочитающих молодых мужчин (*cougar* ‘нума’).

В третьем параграфе моделируются психолингвистические значения членов исследуемой бинарной оппозиции, выявленные по результатам САЭ. Полученные количественные показатели психолингвистических значений (далее ПЗ) не совпадают: максимальное число выявлено для антонимов *man и woman, мужчина и женщина* (13–14 ПЗ), чуть меньше для *ир* и *ипчи* (11-12 ПЗ). Наибольшее количество совпадений лексикографических и психолингвистических значений выявлено в АП *man* (восемь совпадений) и *woman* (семь совпадений), наименьшее – в АП *ир* и *ипчи* (по два совпадения). К ПЗ, не зарегистрированным в лексикографических источниках, относятся

дополнительные значения, связанные с физическими и внутренними свойствами мужчины и женщины, их семейными и социальными ролями, поведенческими характеристиками. Например:

ир – «ир кізінің хылығы паза ондайы» ‘черты мужского характера’; «паба» ‘отец’; «туған-чағын» ‘родственник’; «тоғысчы, азырапчатхан кізі» ‘добытчик’; «улуғ кізі» ‘взрослое лицо’; «сағыстығ» ‘умный’; «иб ээзі» ‘глава (хозяин) дома’; «арачылағчы» ‘защитник’; «пастағчы» ‘глава’»;

ипчі – «іче» ‘мать’; абахай ‘привлекательная’; «сағыстығ» ‘умная’; «ипчі кізінің хылығы» ‘черты женского характера’; «туған-чағын» ‘родственник’; «иб тутчатхан кізі» ‘хозяйка дома’; «тоғысчы, азырапчатхан кізі» ‘добытчик’; «улуғ кізі» ‘взрослое лицо’;

мужчина – «защитник»; «отец»; «муж, возлюбленный»; «добытчик»; «умный»; «глава семьи»; «глава»;

женщина – «привлекательная»; «домохозяйка»; «умная»; «сильная, независимая»; «добытчик»; «родственник»;

man – «father» ‘отец’; «leader» ‘лидер’; «with bad habits» ‘с плохими привычками’; «male homosexual» ‘мужчина нетрадиционной сексуальной ориентации’;

woman – «attractive» ‘привлекательная’; «mother» ‘мать’; «smart» ‘умная’; «female homosexual» ‘женщина нетрадиционной сексуальной ориентации’; « cougar » ‘женщина средних лет, предпочитающая общение с молодыми мужчинами’.

Выявленные ПЗ в перспективе могут лечь в основу формулирования новых лексикографических значений, что особенно актуально в отношении развития лексикографии хакасского языка.

В четвёртом параграфе рассматриваются особенности репрезентации гендерных стереотипов в ЯС представителей трёх лингвокультур. Интегрированной классификационной основой для выделения гендерных стереотипов (далее ГС) послужил список универсальных типичных (традиционных) и нетипичных ГС, выявленных в работах J. E. Williams, D. L. Best¹⁴ и типология ГС, принятая в гендерной психологии¹⁵. Кроме того, использовано положение о прототипических чертах негативного стереотипа о женщине¹⁶.

¹⁴ Williams J.E., Best D.L. Measuring sex stereotypes: A multination study (rev. ed.). Beverly Hills, CA: Sage Publications. 1990. 384 p.

Williams J.E., Satterwhite R.C., Best D.L. Pancultural Gender Stereotypes Revisited: The Five Factor Model // Sex Roles. Vol. 40. Nos. 7/8, 1999. P. 513–525.

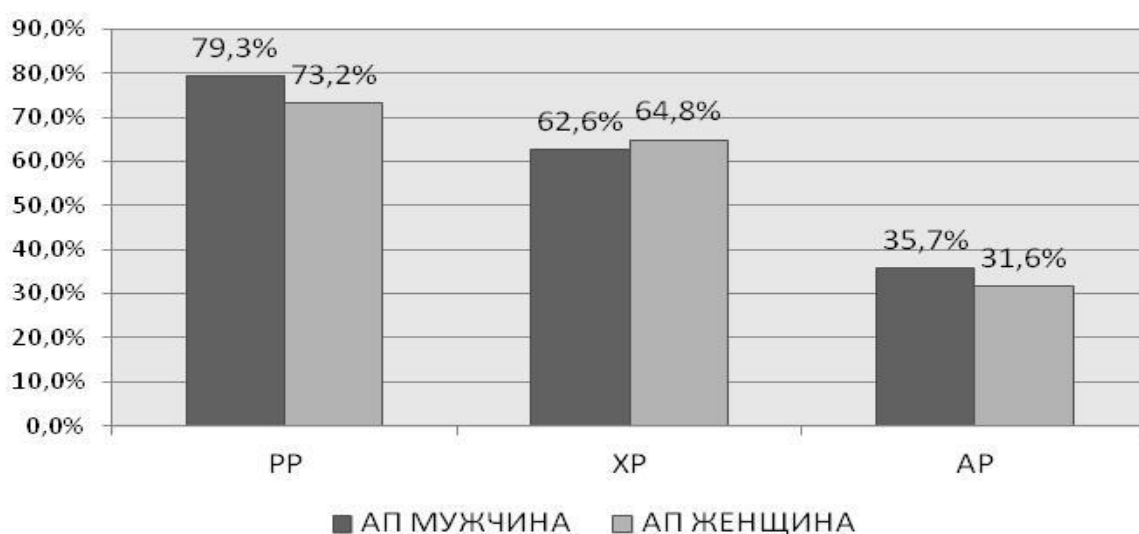
¹⁵ Клёцина И.С. Гендерная социализация. СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. 92 с.

¹⁶ Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты // Институт социологии РАН. М., 1999. 180 с.

В ходе нашего исследования было выявлено от девяти до 17 типичных ГС (далее ТГС) и от двух до восьми нетипичных ГС (далее НГС).

Сравнительный анализ ТГС в соответствующих ассоциативных полях выявил их высокую частотность в реакциях хакасских и русских респондентов (далее ХР и РР), составляя 79,3% в АП МУЖЧИНА и 73,2% в АП ЖЕНЩИНА, 62,6% в АП ИР и 64,8% в АП ИПЧИ. Их минимальная доля представлена в ответах американских респондентов (далее АР): 35,7% в АП MAN и 31,6% в АП WOMAN (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1. Соотношение ТГС в АП МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА

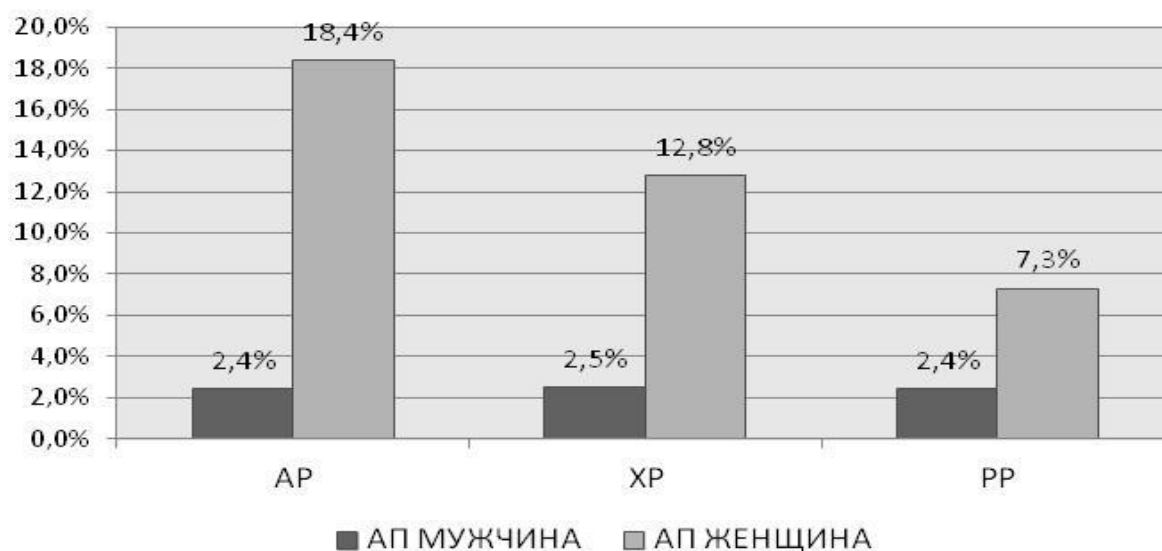

Как видно из диаграммы 1, ТГС преобладают в отношении мужчин в русских и американских АП и в хакасских АП – в отношении восприятия женщин. Выявленная более высокая степень гендерной стереотипизации в русских и хакасских АП свидетельствует о более патриархальном характере русской и хакасской лингвокультур. Это также подтверждает актуальность традиционных ассоциативных связей «мужчина – глава семьи, добытчик» и «женщина – домохозяйка и хранительница очага» (13% и 6% в хакасских и по 8% в русских ассоциативных полях).

В приведённой ниже диаграмме 2 представлен рейтинг долей НГС, характеризующих женщину. На первом месте находится американское АП WOMAN (18,4%), которое включает такие стереотипы как *strong* ‘сильная’, *smart* ‘умная’, *competitive* ‘конкурентоспособная’, *aggressive* ‘агрессивная’, *independent* ‘независимая’, *confident* ‘уверенная’, *provider* ‘добытчик’, *reliable* ‘надёжная’. На второй позиции – хакасское АП ИПЧИ (12,8%) со стереотипами *хыйга* ‘умная’ и *азырапчатхан кизи* ‘добытчик’. Замыкает рейтинг русское АП ЖЕНЩИНА (7,3%) с ассоциациями *сильная*, *независимая*, *умная*, *добытчик*.

Универсальными НГС для трёх групп респондентов оказались следующие: *smart* – *хыйга* – умная и *provider* – *азыранчатхан кизи* – добытчик. Остальные совпадения обнаружены в американских и русских АП: *strong* – сильная, *independent* – независимая.

Диаграмма 2. Соотношение НГС в АП МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА

Как видно из диаграммы 2, доля НГС, характеризующих мужчину во всех трёх АП, оказалась существенно ниже: АП ИР (2,5%), АП МУЖЧИНА (2,4%) и АП МАН (2,4%). Общим НГС для трёх групп респондентов является стереотип *абахай* – *привлекательный* – *attractive*. Одно совпадение выявлено в хакасских и русских АП: *паарсах* – *нежный*.

Для выделения **гендерных авто- и гетеростереотипов** (далее ГАС и ГГС) весь ассоциативный массив, полученный по итогам САЭ, был распределён на две категории, представляющие ответы респондентов женского и мужского пола. Под ГАС мы понимаем реакции мужчин и женщин о самих себе, а под ГГС – ассоциации информантов-мужчин о женщинах и респондентов-женщин о мужчинах.

Анализ полученных «женских» и «мужских» АП позволил отразить аксиологический аспект в структуре ГАС и ГГС в трёх лингвокультурах, представленный в таблицах 1 и 2.

Таблица 1. Соотношение позитивных ГАС и ГГС (%)

АП	ГАС	Совокупная доля позитивных ГАС	ГГС	Совокупная доля позитивных ГГС
ИР	14,5	50,7	23,3	62,7
МУЖЧИНА	24		26,2	
MAN	12,2		13,2	
ИПЧІ	20,6	66,2	18	60,2
ЖЕНЩИНА	21,8		23	
WOMAN	23,8		19,2	

Как видно из приведённой таблицы, доля женских позитивных ГАС существенно превышает совокупность мужских ГАС на 15,5%. И, наоборот, в структуре ГГС доля мужских ГГС немного выше (на 2,5%) женских.

Таблица 2. Соотношение негативных ГАС и ГГС (%)

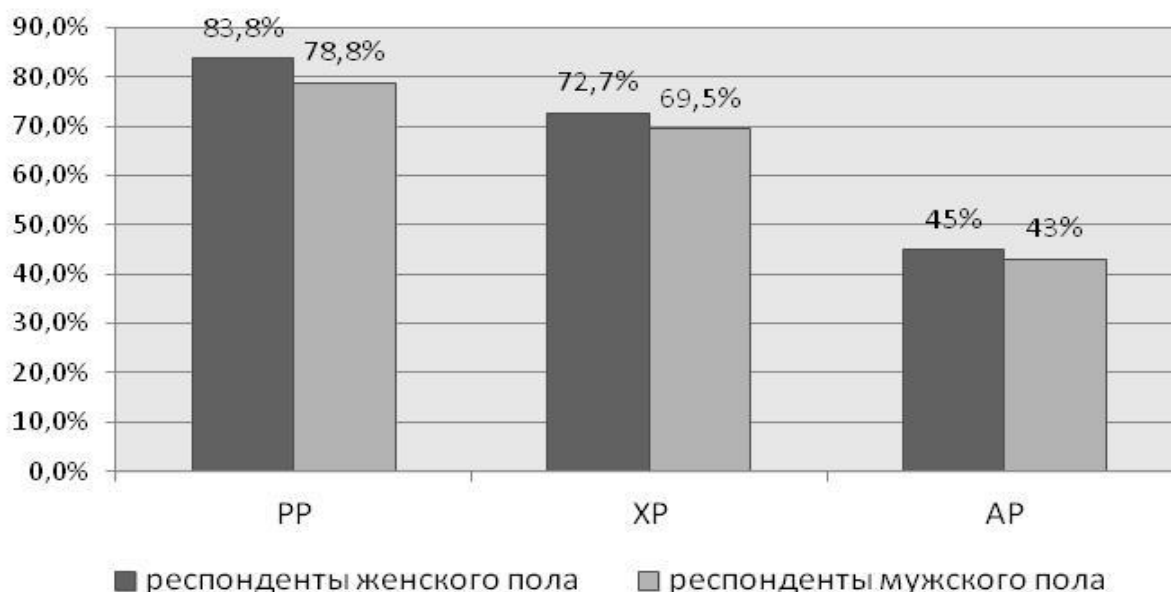
АП	ГАС	Совокупная доля негативных ГАС	ГГС	Совокупная доля негативных ГГС
ИР	0	0,7	1,7	8,5
МУЖЧИНА	0		3,5	
MAN	0,7		3,3	
ИПЧІ	0	0,9	3,4	11
ЖЕНЩИНА	0,9		4,6	
WOMAN	0		2,5	

Судя по таблице 2, доля негативных ГАС и ГГС существенно ниже позитивных показателей, приведённых в таблице 2 – с показателем ниже 1 для ГАС. В то же время в общей структуре негативных ГС обнаружено преобладание ГГС с превышением на 2,5% отрицательного восприятия образа женщины. Следует отметить, что ГГС негативной оценки включают более высокую долю типичных стереотипов, которые превышают совокупную долю нетипичных ГГС в отношении женщины на 10,5% и мужчины – на 7,5%.

В общей структуре ГАС представлены такие позитивные стереотипы как: а) женские: *внешняя привлекательность* (РРж¹⁷ – 12%; ХРж и АРж – 9%) и *интеллект* (ХРж – 7%; РРж – 2%; АРж – 1,2%); б) мужские: социальные роли *добытчика* (ХРм – 7%; РРм – 3,2%; АРм – 2%) и *защитника* (РРм – 5,5%; ХРм – 1,5%; АРм – 0,9%). В структуре типичных ГГС в характеристике мужчины присутствуют указание на его *силу* (РРж – 15%; ХРж – 14%; АРж – 8%) и *лидерские способности* (РРж – 1,8%; АРж – 1,4%; ХРж – 0,3%). Типичные ГГС о женщине содержат роль *жены* (РРм – 5%; ХРм – 3%; АРм – 2,3%) и душевные качества позитивной оценки, *связанные с нежностью, мягкостью и добротой* (РРм – 6,4%; АРм – 2%; ХРм – 1,2%).

Анализ совокупной доли типичных и нетипичных ГС в отношении общей характеристики мужчины и женщины выявил более стереотипное ассоциативное поведение респондентов женского пола: РРж – 83,8% (РРм – 78,8%); ХРж – 72,7% (ХРм – 69,5%); АРж – 45% (АРм – 43%), что может способствовать сохранению степени актуальности ГС (см. диаграмму 3).

Диаграмма 3. Индекс гендерной стереотипизации в разрезе АП респондентов женского и мужского пола

Как видно из диаграммы 3, минимальный уровень стереотипного восприятия образов мужчины и женщины характерен для американских АП, в которых показатели стереотипизации ниже соответствующих русских АП на 39% и 36%.

Анализ реакций-характеристик, объединённых под гендерными признаками маскулинности и фемининности, выявил достаточно высокий

¹⁷ Для респондентов женского пола используется обозначение ж, для мужского – м.

уровень андрогинности или симметричного конструирования гендерной идентичности у АР (80%), средний уровень – у ХР и РР (65,4% и 61% соответственно). Эти данные можно соотнести с данными ООН по измерению индекса гендерного равенства в разных государствах, согласно которому в 2016 году США заняли 45-е место (28-е место в 2015 г.), а Россия сохранила 75-ю позицию в рейтинге из 144 стран¹⁸.

В заключении подводятся итоги проведённого исследования, формулируются вытекающие из него основные выводы и намечаются перспективы дальнейшей работы над темой, которые связаны с более глубоким изучением динамики гендерных стереотипов в России и США в контексте развития гендерного равенства как одной из глобальных целей устойчивого развития ООН. Важным также представляется привлечение различных дискурсов и дополнительных методов, включая проведение серии повторных психолингвистических экспериментов, что, несомненно, может оказаться полезным для оптимизации межкультурного взаимодействия и развития лексикографической практики.

Приложения содержат материал, необходимый для иллюстрации основных положений диссертации.

Основные положения исследования отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК МОиН РФ:

1. Боргоякова Т.Г., Покоякова К.А. Лексикографическая и психолингвистическая репрезентация образа женщины в разных культурах // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. Т.10. №2. С. 45–50.

2. Покоякова К.А. Образ мужчины в языковом сознании русских и американцев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. №7-2 (25). С. 147–149.

3. Покоякова К.А. Культурные стереотипы восприятия «жены» в языковом сознании русских и американцев // Вестник ВЭГУ. 2014. №1 (69). С. 195–198.

¹⁸ The Global Gender Gap Report 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2016/> (дата обращения: 25.01.2017).

4. Покоякова К.А. Гендерные особенности образов женщины и мужчины в американском языковом сознании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1-2 (43). С. 167–169.

5. Покоякова К.А. Особенности бинарной оппозиции «мужчина-женщина» во фразеологии и паремиологии хакасского языка // Мир науки, культуры, образования. 2015. №3 (52). С. 304–306.

6. Боргоякова Т.Г., Покоякова К.А. Гендерный аспект ассоциативного исследования оппозиции «мужчина/женщина» в хакасском и русском языковом сознании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. №9-1 (51). С. 48–52.

Статьи в сборниках научных трудов и в материалах научных конференций:

7. Покоякова К.А. О стереотипе фемининности в языковом сознании носителей русского и хакасского языков (по результатам пилотажного свободного ассоциативного эксперимента) // Материалы II Международной научной конференции, 25-27 сентября 2008 года, Абакан. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2008. С. 76–81.

8. Покоякова К.А. Репрезентация концептов МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА в лексикографических источниках (на материале английского, русского и хакасского языков) // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2008. Выпуск XII. С. 33–35.

9. Покоякова К.А. О стереотипах фемининности и маскулинности в языковом сознании носителей русского и английского языков // Катановские чтения – 2009: тезисы докладов. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2009. С. 60.

10. Покоякова К.А. О стереотипных образах мужчины и женщины в языковом сознании хакасов, русских и англичан (на материале свободного ассоциативного эксперимента) // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 15-17 июня 2009 г. М.: Изд-во «Эйдос», 2009. С. 369–370.

11. Покоякова К.А. Об ассоциативном поле концепта «женщина» в языковом сознании носителей русского, хакасского и английского языков // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России: материалы III Международной научной конференции,

23-25 сентября 2010 года, г. Абакан. Абакан: Изд-во ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2010. С. 56–57.

12. Покоякова К.А. Образ женщины в языковом сознании хакасов, русских и англичан // Диалог культур в аспекте языка и текста: Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых исследователей с международным участием, Красноярск, 26-27 апреля 2011. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2011. С. 169–172.

13. Покоякова К.А. Когнитивные аспекты моделирования образа женщины в этнической картине мира // Катановские чтения – 2012: сборник научных трудов студентов. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский госуниверситет им. Н.Ф. Катанова», 2012. С. 70.

14. Покоякова К.А. Образ женщины во фразеологических единицах и паремиях хакасского языка // Наследие Н.Ф. Катанова: языки, история и культура тюркских народов России (к 150-летию со дня рождения Н.Ф. Катанова): материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 16-19 мая 2012 г., г. Абакан. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский госуниверситет им. Н.Ф. Катанова», 2012. С. 93–96.

15. Покоякова К.А. О стереотипе маскулинности в хакасском и русском языковом сознании // Приволжский научный вестник. Ижевск. 2016. №6 (58). С. 64–67.

16. Покоякова К.А. Особенности гендерных стереотипов в хакасском языковом сознании // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Международной научно-практической конференции (Абакан, Республика Хакасия, 19-20 мая 2016 года) / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2016. С. 208–213.